

СЛОВЕНСКАЯ ЛЕКСИКА В «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ» (вып. 1–39–, М., 1974–2014–)

Liubov Kurkina

Institut Russkogo jazyka RAN, Moskva

UDK 811.16'01:811.163.6–112'373

Predmet obravnave je slovenska leksika v sklopu praslovanskega leksikalnega fonda, ki se rekonstruira v *Etimološkem slovarju slovanskih jezikov* (zv. 1–39) na podlagi gradiva vseh slovanskih jezikov. Namen prispevka je ugotoviti značilnosti, ki določajo podobo slovenskega jezika na podlagi leksikalnih podatkov.

slovenska leksika, praslovanski leksikalni fond, leksikalna izoglossa, primerjalna analiza

The Slovene lexicon in the composition of the Proto-Slavic vocabulary in *The Etymological Dictionary of Slavic Languages*. (volumes 1–39) is discussed. The objectives include the identification of characteristics that allows the creation of a portrait of Slovene according to the lexicon in relation to Proto-Slavic lexical data.

Slovene lexicon, proto-Slavic fund, lexical izoglossa, comparative analysis

На середину XX в. приходится формирование новой концепции праславянского языка. Смена парадигмы была подготовлена расширением материальной базы, активными исследованиями славянских языков по программам общеславянского атласа и атласов национальных языков, исследованиями славянской лексики. В условиях, когда в значительной степени были исчерпаны возможности внутренней реконструкции по данным фонетики и морфологии, особое значение приобретают данные лексического уровня. Изучение лексики в лингвогеографическом плане открыло более сложную картину распределения внутриславянских и внешних изоглоссных связей. В результате прежние представления о праславянском языке как единой монолитной системе с зеркальным отражением особенностей, характерных для современных славянских языковых групп, уступают место новой концепции, в основе которой лежит идея изначальной диалектной дробности исходной системы. Праславянский язык имеет свою историю. В процессе развития структура праславянского языка претерпела глубокие изменения, потому нельзя ставить знак тождества между современными диалектными образованиями и изначальной диалектной структурой праславянского языка. Новое понимание праславянской проблематики положило начало работам по реконструкции лексического фонда праславянского языка. Так, в работах Т. Лер-Сплавинского, Т. Орлося, С. Радевой и

др. праславянское наследие в словарях польского, чешского, болгарского языков исследовалось преимущественно с опорой на этимологию (см. обзор: Jankowiak 1997: 8–9). В начале 60-х г. в двух этимологических центрах – в Москве и Кракове началась целенаправленная работа по реконструкции праславянского лексического фонда по материалам всех славянских лексикографических источников, включая исторические и диалектные. Одновременно в 1974 г. вышли из печати 1-й т. «Праславянского словаря» (Słownik prasłowiański), подготовленный под руководством проф. Ф. Славского, и 1-й вып. «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (далее – ЭССЯ), автором которого стал акад. О.Н. Трубачев. При различиях в методических приемах работы оба исследования, проведенные параллельно, независимо друг от друга, дали сходные результаты, и в этом ценность исследования (см. Трубачев 1976: 3–17). В настоящее время опубликовано 39 вып. ЭССЯ, в производстве 40-й вып. словаря (**ǫborъkь*–**pačyla*). В опубликованных выпусках ЭССЯ представлен фрагмент реконструируемого праславянского словника в объеме *A*–**ozgoba*, около 23 тыс. словарных статей. В составе словника большое место занимают образования с преф. *do-*, *jbz-*, *na-*, *ob-*. Включение в состав словаря префиксальных образований соответствует установке представить в максимально полном объеме состав лексико-семантических единиц, предположительно функционировавших на праславянском уровне.

Московский словарь, концепция которого разработана акад. О.Н. Трубачевым, основан на максимально полном использовании всех доступных лексикографических источников по всем славянским языкам, живым и мертвым. В круг источников включаются словари литературного языка, словари исторические и диалектные. Основной список источников по каждому языку приведен в 1-м выпуске, в дальнейшем, с появлением новых источников, необходимые библиографические сведения сообщаются в последующих выпусках. Лексика словенского языка является составной частью материала, на котором базируется ЭССЯ. Выводы о праславянском словаре основаны на материалах всех языков, в том числе словенского языка, и отсутствие материалов какого-то одного языка ограничивает возможности реконструкции и этимологической интерпретации славянской лексики. Основу словенского материала составляет «Slovensko-nemški slovar» М. Плетершника как самый полный словарь тезаурусного типа, который вобрал в себя слова литературного языка, исторических источников, материалы диалектных словарей. Материалы М. Плетершника дополнены сведениями из 5-томного словаря современного литературного языка (Slovar slovenskega knjižnega jezika, knj. I–V. Ljubljana, 1970–1991). Важной составной частью исследуемого словенского материала стали данные словарей Мегисера, Кастельца-Воренца, Гутсманна, словаря Прекмурья и др., отражающие состояние лексики разных регионов и в разные периоды развития словенского языка. Кроме того, используются как старые диалектные словари (см. особенно ЭССЯ: вып. 1–3), так и словари, увидевшие

свет в последние годы: изданные в Италии материалы по терскому диалекту, *Kostelski slovar*, словари Карничара, Новака, Иванчич Кутин, Райха и т.д. (см. обзор: Куркина 2009–2011: 228–248). Московскому коллективу помощь с лексикографическими источниками оказывает Институт словенского языка, наша особая благодарность сотруднику Института С. Торкару, без внимания и поддержки которого невозможно было бы представить с такой полнотой словенскую лексику в ЭССЯ.

При работе с лексикой словенского языка, трудной в этимологическом отношении, мы опираемся на труды акад. Ф. Безлая, который впервые ввел в практику научных исследований словенский материал, почерпнутый из диалектов, и показал значение словенской лексики для решения проблем славянской этимологии и лингвогенеза славян. Другим источником сведений по этимологии словенской лексики стали для нас «*Etimološki slovar slovenskega jezika*» (knj. I–V, Ljubljana, 1976–2005), подготовленный Ф. Безлаем и его учениками М. Сноем, М. Фурлан, «*Slovenski etimološki slovar*» М. Сноя (Ljubljana, 1997, 2003), труды акад. Ф. Безлая, изданные в двух томах, – «*Zbrani jezikoslovni spisi*» (Ljubljana, 2003) под редакцией М. Фурлан и др.

Словенская лексика в ЭССЯ представлена с максимальной полнотой по всем доступным нам источникам. В контексте словарной статьи словенская лексема идет в окружении лексико-словообразовательных соответствий из других славянских языков. Через соответствия выявляются повторяющиеся линии лексических связей, отражающие характеристики, позволяющие воссоздать лексический портрет словенского языка применительно к праславянской эпохе. В силу ряда причин лексика как наиболее изменчивая, подвижная часть языка не имеет силы абсолютного показателя. Тем не менее, данные лексического уровня дополняют показания других языковых уровней и представляют во всей сложности взаимосвязи славянских диалектов. Рассмотрение словенской лексики на славянском фоне помогает прояснить некоторые аспекты, важные для ответа на многие вопросы, связанные с пониманием соотношения в составе праславянского лексического фонда общего и частного, т.е. регионального, диалектного, с разграничением архаизмов и инноваций, распределением междиалектных связей, выявлением особенностей словообразования и семантики языка. Важно выяснить, что дает словенская лексика для понимания состава и структуры праславянского лексического фонда и каковы особенности словенской лексики в общем составе словаря, реконструируемого применительно к эпохе славянских миграций – V–VII вв. Сам подход к этим проблемам заложен в материале, в принципах отбора и организации лексики в ЭССЯ. Основной единицей ЭССЯ является *цельнооформленная* лексема с определением ее принадлежности к той или иной парадигме словообразовательных, морфонологических, семантических отношений (Трубачев 1963: 166–167). И этот принцип становится определяющим в поисках характерных особенностей словенской лексики.

При проекции на карту праславянских отношений словенская лексика предстает как сложное многоуровневое переплетение разновременных изоглосс, в котором органично сочетается древнее наследие и новообразования, сложившиеся по активным моделям в эпоху формирования славянских языковых групп, а также диалектизмы ограниченного распространения, к которым применимо положение о возможности сохранения архаизмов праславянской древности в отдельных славянских диалектах. Как показывает изучение материала 39 выпусков ЭССЯ, основную часть словенского словаря можно отнести к общеславянскому наследию. При сравнительно-сопоставительном изучении словенской лексики на славянском фоне наиболее дифференцированы различия на уровне словообразования, но при этом надо иметь в виду, что для образований с продуктивными формантами (ср. суф. *-ькъ*, *-ьль* и т.п.) трудно решить вопрос о времени появления межъязыковых соответствий, остается открытой возможность независимого параллельного развития. Кроме того, надо учитывать, что унаследованные модели словообразования неодинаково реализуются в разных языках. Поэтому в плане выявления отличительных особенностей языка эти случаи наименее показательны. Представляется, что более глубокие различия позволяет вскрыть сопоставление на уровне этимологических гнезд в их полном составе, включая словообразовательные и морфонологические варианты. Нередки случаи, когда этимологическое гнездо представлено в словенском языке не в полном объеме, однако его отдельные части поддаются восстановлению по производным образованиям: ср. словен. гл. *lécati*, *lékniti* 'гнуть' при отсутствии продолжения производящего гл. **lĕk-t'i*; словен. *lopúh* 'лопух, репейник', *lopáta* и т.д. при отсутствии производящей основы **lorь* (~ лит. *lāpas* 'лист') и т.д. Подобные факты ради чистоты эксперимента нами не принимаются во внимание. Такой избирательный подход, на наш взгляд, дает более точное отображение состава лексических единиц, хотя нельзя не признать, что можно найти немало примеров, когда лексема, имеющая прозрачную структуру, утрачивает семантическую связь с производящей основой и функционирует в отрыве от нее (ср. вост.-слав. продолжения праслав. **lĕzvo*, **lĕzvъje*).

В пестрой мозаичной картине распределения диалектных связей, которая открывается при изучении 39 выпусков словаря, в пределах отведенного объема мы сосредоточим внимание лишь на отдельных аспектах этой большой темы, а именно на том аспекте, который связан с наличием / отсутствием словенских лексем в составе праславянского словаря. В рассматриваемом отрезке праславянского словника достаточно определенно выражено отсутствие словенских продолжений некоторых древних лексем: **aščerь*, **atra*, **bl'udo*, **borti*, **bebrь/*bъbrь*, **brujati/*brujiti*, **buga*, **bukь* (название дерева), **buzь/*buzina*, **bъdrь*, **čezati/*čeznŕti*, с преф. **ča-* **čamьrda*, **čamьrĕti*, **čavьrĕti*, **ga-vьrati*, **glazь*, **gliza*, **glota*, **gly a*, **gluda*, **gluzdь*, **glybokь*, **goneznŕti/*gonoziti* (< герм.), **gogolь*, **gorazdь*, *gornь*, **grĕza*, **xoxolь*, **xoliti*, **xorŕgy*, *-ъve*, **xređa*, **xьlpati/*xьlpiti*, **klĕvati/*klĕviti*, **kropь* 'укроп', **krŕpь(jь)* (ср. болг. *крѹпный*

‘крупный’), **krukъ* (ср. цслав. кроукъ *corvus*), **kusiti* (< герм.), **kuzn'a*/**kuz-nica*/**kъznъ*, **kъdy*, **kъlbati*, **kъlcati*, **kъlръ*, **kъnĕja*/ *kъneja*, **kъrkъ*, **kystъ*, **labati*/**lebezitil*/**labuzitil*/**labъzati*, *laska*, **lelĕjati*, **lĕda*, **l'ul'ati* (*se*) и т.д. Частично эту особенность словенский язык разделяет со всеми ю.-слав. языками: **bagъno*, **balamq̄titi*, **brudъ*, **bryla*, **bъdla*/**bъdlo*, **bъlkъ*/**bъlkati*, **bydlo*, **čara* (‘чаша’), **čebръ*, **čekъrda*, **čepъrĕnъ*, **čipъ*, **čъbanъ* (но **čъbarъ*!), **degnа*, **degъtъ*, **gala*/**gala* II, **galq̄za*, **glazъ*, **glъgati*/**glъkati*, **govĕti*, **gobъzъ(jъ)* (< герм. *gabeigs* ‘богатый’), **xa-mordъ*, **xlebetati*, **xlъръ*, **xmara*, **xmuliti*, **xmura*/**xmyra*, **xoluĭbъ*, **xomĕkъ*, **xovati*, **ĭbъmъ*, **kadъlba*, **kanura*, **karъtъ*, **kastъ*/**kastiti*, **kazobъ*/**kozobъ*, **kažъdъjъ*, **kruša*, **kubъlъ* (‘ведро, кадка’), **kuna*, **kumati*, **kuzlo*, **kъlbati*, **kъlbъ*, **kъltati*, **kъlzati*, **kъtmenъ*, **kъrъ*/**kvapъ* **kъrakъ*/**kъr'akъ*, **kъrčagъ*/**kъrčaga*, **kъrdъno*, **kъsenъ*, **kyverъ*, **ky'ъka*, **kysta*, **natъra* и др.

С другой стороны, нельзя не отметить, что исключительно по словенским данным восстанавливается ряд праславянских лексем: **aževina*, **bogorъ* (словен. *bogor* ‘tumor’), **bъrtъ*, **bъža* (~**bъgati* ‘гнуть’), *čamerъ* (~ др.-инд. *camarāh*), **čunъ*, **čuriti* ‘дымить’, **gluta*, **xula* ‘плечевой сустав’ и т.д. Из ю.-слав. лексики только словенские лексемы участвуют в реконструкции праслав. **bъrščъ*, **bъrtъ*/**bъrtъ*, **lasa* ‘пятно’ (~ лит. *lāšas* ‘капля’) и т.д.

Различия в составе лексических единиц являются отражением древней диалектной дифференциации праславянского языка, частично эти различия обусловлены относительно поздними процессами, которые привели к перестройке лексической системы, переосмыслению слов, развитию синонимичных отношений, что сопровождалось утратой одних лексем и активизацией других (см. Porowska-Taborska 1993: 100 и след.).

Естественно, что выводы о статусе той или иной лексико-словообразовательной единицы зависят от материала, которым располагают исследователи, от принятого этимологического решения, а, как известно, этимология остается гипотезой, более или менее вероятной, ср. с разными рядами предполагаемых и.-е. соответствий словен. *gnida* ‘гнида’ и *gnida kruha* ‘кусочек хлеба’ (Bezlej I: 153; ЭССЯ 6: 173–174).

В истории отдельных славянских языковых групп и отдельных славянских языков в процессе сложных преобразований, частично обусловленных разными факторами, унаследованные отношения лишь частично сохраняются в отдельных диалектах. С распадом этимологического гнезда в диалектах трансформируются взаимосвязи лексических единиц, отдельные звенья морфонологических отношений приобретают самостоятельный статус, образуют свою систему отношений. В ряде случаев именно словенский язык, нередко вместе с западными диалектами с.-хорв. языка, является хранителем древних ступеней чередования корневого вокализма, что служит основой для восстановления морфонологического ряда в полном объеме.

Именно по данным словенской лексики поддается восстановлению морфонологический ряд слав. **letěti*. Словенским *lótiti se* 'приняться, взяться за что-л.' (~ с.-хорв. *lōtiti se* то же), для которого предполагается родство с гл. **letěti*, мотивировано развитие корневого вокализма и семантики праслав. диалектизмов **lotati* (*se*) (рус. *ломать* 'резать, потрошить рыбу'), **latati* (словен. *látati se* 'приниматься за что-л., браться'), далее **lotokъ* (рус. *лоток* 'ковш, корыто различного назначения'). Только в словенском языке находим продолжения и.-е. **leu-* 'оставлять' с полным набором морфонологических вариантов: **lavъкъ* (словен. *lâvek, lavki, lavke* 'остатки колосьев, фруктов после сбора урожая'), **lěvъka* (*lěvka* 'плоды и овощи, не замеченные при сборе урожая') и **luta* (словен. *lúta* 'колосья, фрукты, оставшиеся в поле после сбора урожая' (Bezljaj 1967: 125; Bezljaj II: 127). Материалы ЭССЯ позволяют поставить вопрос о возможной связи приведенных лексических диалектизмов, восстанавливаемых для праславянской эпохи, с **lěviti* (словен. *levíti* 'линять'), засвидетельствованном только на словенской территории. Словен. *mléden* 'отощавший; безвкусный' вместе с с.-хорв. *mlédan* 'тощий, слабый; нежный' служат основанием для реконструкции чередования праслав. диал. **meldънь*: **moldъ* с первонач. значением 'нежный, слабый' (ЭССЯ 18: 81; 19: 178) и т.д. Из ю.-слав. языков только в словен. *grěba* 'груда, ком' (~ в.-луж. *hrjaba* 'бугор' и др.) получает отражение корневой вокализм *e* для праслав. **grǫbъ*.

К существенным показателям диалектных различий следует отнести участие / неучастие редких непродуктивных формантов в образовании имен: ср. словен. *jadrna* 'das Freissloch' < **ědera* с суф. *-r-*, *jâstrob* 'ястреб' (< *astr-ǫbъ*) при **astr-ěbъ*, *galéb* 'чайка' < **gal-ěbъ* при слав. **gol-ǫbъ*, *gâbez=gavez*, назв. раст. < **gav-ęzъ*, родств. **gov-ędo* и т.д.

Для понимания того, как протекало формирование и развитие диалектного образования, ставшего основой словенского языка, существенны связи с лексикой восточной части ю.-слав. ареала, языками/диалектами чешско-словацкой группы и вост.-слав. языками. Эти направления связей, обозначенные акад. Ф. Безлаем и описанные им на материале, известном в 60–70-х гг. XX в. (Bezljaj 1967: гл. V, VI, VII), на новом этапе развития науки наполняются более сложным содержанием. Представленные в ЭССЯ результаты фронтального обследования материала всех славянских языков с опорой на более широкую базу данных подтверждают или вносят уточнения в накопленные наукой наблюдения о лексических изоглоссах. Спорным и до конца не решенным остается вопрос диалектных истоков и путей формирования ю.-слав. языковой группы. Лексика указывает на различия в словаре двух ю.-слав. ареалов – западного и восточного. На ю.-слав. территории только в болгаро-македонских диалектах и частично в диалектах сербохорватского языка находим слова **buzъ*/**bizina*, **bъdrъ*(*jbъ*), **bъltъ*/**bъltati*, **bъrla*, **cęta*, **cęglъ*/**ciglavъ*, **dbly*, *-ъve*, **grono*/**grona*, **xajati* (*se*), **xlębъ*, **xoxolъ*, **juda*, **libati*, **likъ* (> болг. *лик* 'хор, хоровод' < герм. *laiks* 'пляска'), **linětil*/**lin'ati*, **lipatil*/**lipnѣti*/**lipъкъ* и т.д. Эти и другие

факты требуют анализа, расслоения во времени с учетом того, что на современной карте древние отношения могли быть перекрыты, трансформированы под влиянием разных факторов.

Несомненно, в дальнейшей работе над словарем, с реконструкцией слов на последующие буквы, межъязыковые отношения, выявляемые через призму праславянского лексического фонда, получают более сложное конкретное выражение, что расширит материальную базу для выводов об исходной диалектной базе того образования, которое сохранило непрерывную линию развития с праславянской эпохи и легло в основу словенского языка.

Літаратура

- BEZLAJ, France, 1967: *Eseji o slovenskem jeziku*. Ljubljana: Mladinska knjiga.
- JANKOWIAK, Lucyna Agnieszka, 1997: Komitet redakcyjny: K. Handke, W. Boryś, I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa. *Prasłowiańskie dziedzictwo leksykalne we współczesnej polszczyźnie ogólnej* (Na podstawie Słownika prasłowiańskiego. T. 1–7). *Język na pograniczach 20*. Polska Akademia nauk. Instytut slawistyki. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy przy Instytucie Slawistyki PAN.
- КУРКИНА, Л. В., 2009–2011: Обзор словенских диалектных словарей. Т. II. Вендина (ред.): *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2009–2011*. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 228–248.
- POPOWSKA-TABORSKA, H., 1993: K. Plater (red.): *Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka*. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich.
- ТРУБАЧЕВ, О. Н., 1963: О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи). В. В. Виноградов (ред.): *Славянское языкознание. V Международный съезд славистов*. Москва: Наука. 159–196.
- ТРУБАЧЕВ, О. Н., 1976: Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (опыт параллельного чтения). О. Н. Трубачев (ред.): *Этимология 1976*. Москва: Наука. 3–17.

Принятые сокращения

Болг. – болгарский, в.-луж. – верхнелужицкий, герм. – германский, и.-е. – индоевропейский, праслав. – праславянский, рус. – русский, словен. – словенский, с.-хорв. – сербохорватский, цслав. – церковнославянский.